

2

торой может быть услышан крик возмущенной совести.

Критик стремится не только выявлять внутреннюю общность и единство, присущие самой литературе, но активно влиять на формирование такого единства, так сказать, берет на себя функции организатора литературного движения, т.е. не только формирует ПО-НЯТИИ литературного процесса, но и стремится влиять на Процесс.

В деятельности Белинского с его гениальным эстетическим чутьем и преданностью искусству обе эти тенденции находились в равновесии (а при нарушениях ~~этого~~ равновесия односторонность корректировалась самим критиком под влиянием его непосредственных, живых впечатлений от реальностей искусства — отсюда эволюция его отношения к некоторым произведениям — "Горю от ума", например).

У наследников Белинского — при всей бесспорной и прекрасно показанной в нашей науке положительной роли их в истории литературы и общественной мысли — равновесие это иной раз колебалось. Эпигоны же как раз настаивали на односторонности, на гипертрофии "руководящей", а не аналитической роли критики (Антонович, народническая критика, особенно поздняя).

Сильной стороной выдающихся деятелей русской классической критики была именно живая связь с литературой, способность корректировать свои теоретические представления живой практикой искусства. Заметим также, что неудачи постигали их тогда, когда они закрывали глаза на художественную реальность, которая в чем-либо не соответствовала их теоретическим представлениям.

Несмотря на то, что сказанное выше, казалось бы, бесспорно, мы гораздо чаще говорим о влиянии критики на писателей, чем о тех случаях, когда литература помогала становлению методологических принципов критической мысли. Это справедливо и в отношении того, как освещается тема "Добролюбов и Островский". Нисколько не думая отрицать благотворной роли добролюбовских статей в творческой судь-

бе Островского; ~~Иници~~ в докладе я намерена остановиться на другом аспекте проблемы и попытаться показать, как под влиянием художественной силы произведений Островского оформлялись, а в чем-то и корректировались некоторые существенные элементы добролюбовской реальной критики. Не случайно едва ли не с наибольшей определенностью они были сформулированы в двух знаменитых статьях об Островском.

Творчество драматурга было на скрещении в 1850-1860-е гг острейших проблем литературного развития, которые, в свою очередь, были неотделимы от главных направлений общественной борьбы, поэтому оно оказалось в центре внимания критики всех направлений. Кризис крепостнической системы, а затем подготовка и созревание первой революционной ситуации в России сосредоточили внимание всех направлений общественной мысли на проблеме народа, а применительно к литературному движению - на вопросе о демократизации русской литературы, как и культуры в целом. Островский, с его последовательной антидворянской позицией, с новизной материала, введенного им в литературу и на сцену, оказал первым "третьесословным" недворянским писателем такого масштаба. Добролюбов оценил художественную силу и реалистическую правдивость не только "Банкрута", но и москвитянинских пьес. Однако он не разделял авторского отношения к изображенному в них патриархальному миру. Перед Добролюбовым встал вопрос: как использовать правдивость и художественную силу писателя "чужого" литературного лагеря, не имеющего, в точки зрения критика, "правильных" общественно-политических воззрений? Можно сказать, что самим фактом своего существования поэтический мир молодого Островского побудил Добролюбова сформулировать ^{свои} важнейшие теоретические положения. ~~реальнойширшики~~ Поэтому именно статья о раннем Островском - "Темное царство" - оказалась столь насыщенной теоретическими постулатами самоопределяющейся ~~и вострой плече~~ (и) реальной критики.

Это самоознание реальной критики происходит в острой ~~борьбе~~ полемике с истолкователями творчества Островского всех направлений: западнического и славянофильского, охранительного и либерального. С точки зрения Добролюбова, все его оппоненты, как мы бы теперь сказали, методологически близки между собой, несмотря на разность ценностных ориентаций. Все они приступают к писателю с некоей заранее выработанной меркой, эстетической или идеологической, с которой и соотносят литературное произведение. ~~Именно в~~ ^{же} своих принципах Добролюбов пишет: "...Реальная критика относится к произведениям художника точно так же, как к явлениям действительной жизни: она изучает их, стараясь определить их собственную норму, собрать их существенные, характерные черты..." (У, 19-20).

Поставленная Добролюбовым задача потребовала от него теоретического обоснования самого права литературной критики рассматривать художественное произведение наравне с фактами реальной ~~жизни~~ ~~жизни~~ жизни. Можно ли приравнивать к реальности ~~действительность~~ ~~действительность~~ действительность, описанную в художественном произведении, если писатель имеет определенные воззрения на жизнь, быть может, не вполне отвечающие истине? Для того, чтобы утвердительно ответить на этот вопрос, Добролюбов вводит понятие мирозерцания художника, которое оказывается ~~идеальным~~ ~~идеальным~~ не адекватно интеллектуальному осмыслению жизни, не может быть приведено к определенным логическим построениям. В отвлеченных рассуждениях художник нередко "высказывает понятия, разительно противоположные тому, что выражается в его художественной деятельности... Собственный же его взгляд на мир, служащий ключом к характеристике его таланта, надо искать в живых образах, создаваемых им" (У, 22) Таким образом Добролюбов сформулировал важнейшую идею о нетождественности субъективных намерений художника и объективного смысла его произведения. Но объяснение этой нетождественности он склонен видеть в природной разности

типов человеческого восприятия жизни: одни люди — художники, другие — мыслители. Художники более восприимчивы к явлениям жизни, могут раньше уловить их и ярче воспроизвести, зато логическое познание ближе к истине, оно способно вскрыть закономерности жизни, объяснить связь и смысл ее явлений и типов. Поэтому искусство и дает материал "рассуждающему человеку".

Исходя из такой трактовки двух типов познания, Добролюбов и формулирует свое понимание места искусства в социальной жизни: "Таким образом, совершенная ясность становится значением художественной деятельности в ряду других отправлений общественной жизни: образы, созданные художником, собирая в себе, как в фокусе, факты действительной жизни, весьма много способствуют составлению и распространению между людьми правильных понятий о вещах" (У, 23)

Бесспорен общий прогрессивный смысл этого рассуждения, и все же в нем нельзя не отметить некоторой недооценки самостоятельного познавательного значения искусства и элементов того утилитаризма в отношении к нему, которая ^{бы} составляет известную ограниченность домарксистской материалистической эстетики.

Сочетание "правильного" мирозерцания и художественного претворения его в живые образы, *т. е. соединении научного и художественного освещении мира,* с точки зрения Добролюбова, идеал еще никем не достигнутый. Критик видит путь к этому идеалу в том, чтобы художник спасался "от односторонности возможным расширением своего взгляда посредством усвоения себе тех общих понятий, которые выработаны людьми рассуждающими" (У, 24) Ясно, что здесь имеется в виду революционно-демократическая идеология. Но вопрос о критериях истинности этих "общих понятий" Добролюбов не ставит.

Однако, парадоксальным образом, некоторая недооценка интеллектуальной стороны художественного творчества приводит Добролюбова к утверждению главной ценности и в сущности, неперемного условия реалистического искусства: правдивости изображения жизни. Если

убедит
с жизнью, отк
сном опыте), то заблуж
следовательность его логи
венной.

Добролюбов признает, что лите
"не совсем чужда была тех колебан
разногласия внутреннего художественн
извне усвоенными понятиями" (У, 24) Но
отную художническую правдивость Остров
картины жизни, критик считает это не ст
итика, относясь к предмету художественн
ствительности может сделать "правильны
и явлений и образов Островского, опирая
ра "рассуждающим человеком", выработавш
нием русской жизни в духе революционно
были обе статьи Добролюбова об Остров
ческой части.